

заказчик экспертизы — “Гидропроект” — привлек местных специалистов из университета Горно-Алтайска, которые подготовили альтернативное заключение. Судя по всему, именно из него взята приводимая в статье цитата (“Долина средней Катунь связана с этносом и мироощущением алтайского народа, и поэтому реализация проекта нанесет ущерб его духовной культуре”), поскольку в нашем заключении ничего подобного не было. А вот письма “возмущенных жителей автономной области, прежде всего алтайцев, требовавших разрешить строительство ГЭС на их земле”, которые “хорошо запомнились” сотрудникам кафедры, нас не удивили. В ожидании прихода в села электричества люди тогда накопили впрок различных электроприборов, почти в каждом доме мы видели нераспакованные стиральные машины и холодильники, приобретенные по бартеру в Японии, куда алтайцы поставляли маральи панты и папоротник. Очевидно, наши респонденты решили, что именно экспедиция МГУ, а не поборники “традиционности и исконности” из числа местной интеллигенции, живущей в городских квартирах со всеми удобствами и горячо убеждавшей нас в том, что “чабанам на стоянках электричество не нужно”, повинна в том, что от строительства ГЭС тогда отказались.

Мы решили рассказать об этом неудачном опыте участия в этнологической экспертизе не только для того, чтобы восполнить лакуну в информации, но и для того, чтобы показать, что даже находясь в рамках “этноцентристского подхода” (трудно было бы ожидать иного в 1988 г. — еще до появления “конструктивистского манифеста” В.А. Тишкова [Тишков 1989] — от воспитанников советской этнографической школы), можно было принимать во внимание другие факторы и аргументы и не вставать под знамена “антикатунского движения” этноромантиков.

© О.А. Мурашко

ТАК ЧЕМУ ЖЕ УЧИТ ОПЫТ “ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ”?

Заявленная автором задача статьи: “...все такого рода экспертизы — при их очевидной нацеленности на принесение пользы местным индигенным сообществам во что бы то ни стало — выполняются вне контекста мировой прикладной антропологии и с опорой на концепты этноса, традиционности (традиционной культуры), исконности и ряда иных, не имеющих особой познавательной и эвристической ценности. Собственно говоря, последними соображениями и определяются задачи и структура статьи”, — воплотившаяся в критике текстов российских авторов (замеченных в попытках проведения “этнологических экспертиз”) с позиций “мировой прикладной антропологии”, мне представляется несколько странной и методологически непродуктивной. При этом в статье содержится ряд существенных неточностей.

Например, утверждение автора: «С принятием “Положения об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации” (приказ Госкомэкологии РФ № 372 от 16 мая 2000 г.), которое

установило порядок и методы проведения государственной экологической экспертизы, возможности для оценки воздействия тех или иных проектов на социум в рамках именно экологической экспертизы были сведены к нулю», — с одной стороны, носит методологический характер, т.к. отрицает возможность связи социальной и экологической оценок планируемой деятельности, с другой стороны, прямо противоречит положениям данного нормативного правового акта.

Процедуры оценки воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, регламентированные упомянутым автором статьи Положением (далее — Положение об ОВОС), четко направлены именно на учет оценки воздействия проекта на социум при условии участия в его обсуждении всех заинтересованных сторон:

Целью проведения оценки воздействия на окружающую среду является предотвращение или смягчение воздействия этой деятельности на окружающую среду *и связанных с ней социальных, экономических и иных последствий* (курсив мой. — О.М.) (Положение об ОВОС. П. 1.2),

что дает право дополнить цели государственной экологической экспертизы (далее — ГЭЭ), сформулированные как

установление соответствия документов и (или) документации, обосновывающих намечаемую в связи с реализацией объекта экологической экспертизы хозяйственную и иную деятельность, экологическим требованиям, установленным техническими регламентами и законодательством в области охраны окружающей среды, в целях предотвращения негативного воздействия такой деятельности на окружающую среду (ФЗ 1995. Ст. 1),

целями социальной оценки воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности.

Следующие нормы Положения об ОВОС:

Степень детализации и полноты проведения оценки воздействия на окружающую среду определяется исходя из особенностей намечаемой хозяйственной и иной деятельности и должна быть *достаточной для определения и оценки возможных экологических и связанных с ними социальных, экономических и иных последствий реализации намечаемой деятельности. В случае выявления при проведении оценки воздействия на окружающую среду недостатка информации, необходимой для достижения цели оценки воздействия на окружающую среду, или факторов неопределенности в отношении возможных воздействий заказчик (исполнитель) планирует проведение дополнительных исследований, необходимых для принятия решений, а также определяет (разрабатывает) в материалах оценки воздействия на окружающую среду программу экологического мониторинга и контроля, направленного на устранение данных неопределенностей* (Положение об ОВОС. П. 1.5).

Результатами оценки воздействия на окружающую среду являются:

- информация о характере и масштабах воздействия на окружающую среду намечаемой деятельности, альтернативах ее реализации, оценке экологических и связанных с ними социально-экономических и иных последствий этого воздействия и их значимости, возможности минимизации воздействий;
- выявление и учет общественных предпочтений при принятии заказчиком решений, касающихся намечаемой деятельности (курсив мой. — О.М.) (Положение об ОВОС. П. 1.6)

дают возможность в материалы ОВОС включить всю информацию по проведению оценки воздействия, в т.ч. и на социальную среду, а также мнение о проекте заин-

тересованных сторон. Приведенные требования Положения об ОВОС в сочетании с нормами законодательства о правах коренных малочисленных народов предоставляют (в том числе) и возможность оценить воздействие намечаемой деятельности на исконную среду обитания и традиционный образ жизни в области природопользования, на самобытную социальную организацию проживания и культуру, на сохранение обычаев и верований¹. В этом документе исследование определяется как “сбор, анализ и документирование информации, необходимой для осуществления целей оценки воздействия” (Положение об ОВОС. П. 1.1), а его методы и аспекты ничем не ограничиваются.

Прошу прощения у читателей за обильное цитирование этого, на мой взгляд, важнейшего правового акта российского законодательства в сфере экологической и социальной оценки. Надеюсь, что в данном контексте оно уместно и бесполезно. К сказанному необходимо добавить, что Положение об ОВОС возникло как следствие участия Российской Федерации в обсуждении и принятии в 1998 г. так наз. Орхусской конвенции, или Конвенции ЕЭК ООН, “О доступе к информации, участию общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды”. Россия подписала эту конвенцию в июне 1998 г., но не ратифицировала ее. Последняя попытка ратификации была предпринята в 2011–2013 гг. (Минприроды РФ подготовило проекты федеральных законов о присоединении России к Орхусской конвенции, Конвенции Эспо и Протоколу по стратегической экологической оценке к Конвенции Эспо²).

На сегодняшний день многие международные принципы, способствующие проведению социальной оценки, отражены в Положении об ОВОС и в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ “Об охране окружающей среды” (ст. 11–13). Особо следует отметить, что, согласно ст. 32 этого закона, процедуре ОВОС подлежит любая намечаемая хозяйственная и иная деятельность, а не только ограниченный перечень ее видов, которые подлежат ГЭЭ.

Благодаря перечисленным правовым нормам в рамках экологической экспертизы не раз удавалось проводить достаточно полные исследования по оценке социального воздействия проектируемой деятельности (в т.ч. и проанализированные автором обсуждаемой статьи), а вне ее рамок — осуществлять социальную оценку накопленного воздействия промышленной деятельности. В частности, в 2007–2009 гг. по инициативе Ассоциации ненецкого народа “Ясавэй” в рамках мероприятий Международного полярного года и при поддержке Норвежского полярного института был осуществлен проект “Мониторинг развития территорий традиционного природопользования в Ненецком автономном округе”³. В ходе исследования было проведено изучение трансформации расселения, маршрутов кочевания оленеводов, комплексного традиционного хозяйства, питания, доходов и расходов, мнения о воздействии промышленной деятельности за последние 25 лет, ожиданий 103 домохозяйств и семейно-родовых общин коренного и местного населения НАО. Исследование проводилось путем глубинного анкетирования, а также картирования всех названных респондентами объектов традиционного природопользования (пастбищ, рек, озер), священных мест и промышленных объектов, оказывающих на них воздействие. Анкета включала вопросы, обеспечившие возможность анализа зависимости домохозяйств от разных видов традиционной деятельности и их вклада в обеспечение продуктами питания и доходы семей, а также возможность отследить динамику этих показателей за последние 25 лет. Анкетирование и картирование проводили специально обученные представители коренного и местного населения по подготовленным вопросам и бланкам; интервью сопровождались аудиозаписью. Первичные данные (заполненные анкеты, аудиозаписи, карты) были переданы

в Ассоциацию ненецкого народа “Ясавэй”. Материалы опубликованы в отчете (при его подготовке использовались литературные и архивные данные) и в ряде статей (Даллманн и др. 2011; *Dallmann et al.* 2011; Мурашко, Даллманн 2011). Основной задачей проекта являлось создание интерактивной базы данных для организации постоянного мониторинга территорий традиционного природопользования, который велся Информационно-исследовательским центром “Ясавэй Манзара” — организацией коренных народов и основным исполнителем проекта — до тех пор, пока его не объявили “иностранным агентом” в 2015 г. и не закрыли.

Я не считаю продуктивным призыв к отказу от подобных исследований, как и некритичное использование любых методик, не адаптированных к каждой конкретной ситуации. Главное, чтобы проводимая оценка была научно обоснована, продумана, объективна, а это не зависит от временных рамок и выделенных средств. Все перечисленные в обсуждаемой статье исследования, наверное, не обязательно было привязывать к понятию “этнологической экспертизы”, имеющемуся в законодательстве. В то же время все они так или иначе способствовали включению в научный оборот материалов об особенностях современных социальных, медико-демографических, экономических, этнокультурных характеристик конкретных локальных групп, подвергающихся риску. На довольно поверхностную критику законодательства по этнологической экспертизе Республики Саха (Якутия), завершенную автором статьи риторическим вопросом: «Какие задачи в таком случае призвана решать “этнологическая экспертиза”, остается загадкой», — можно ответить словами тех, кто это законодательство создал и применяет: “...этнологическая экспертиза дает информационное обеспечение для выработки гибких, адаптированных к условиям регионов механизмов”⁴.

Но и при отсутствии такого законодательства ничто не препятствует проведению “неотложных” социально-антропологических исследований локальных групп населения, условия существования которых стремительно меняются (порой необратимо) под воздействием внешних факторов, в т.ч. связанных с последствиями управленческой деятельности и бизнес-проектов, особо отмеченных автором. Следует также учитывать, что коренное и местное население, чье жизнеобеспечение непосредственно и в значительной степени зависит от изменения качества окружающей природной среды и возможности доступа к земле, воде, объектам животного и растительного мира, является, в случае изъятия этих ресурсов, особо уязвимой группой. В связи с тем, что такие группы населения под давлением внешних факторов зачастую теряют не только источники и средства к существованию, но и свои локальные и этнические культурные ценности и потенциалы, это ведет к высокой степени социально-культурной и популяционной дезадаптации.

Ничто не препятствует в этих исследованиях применять любые апробированные методы (в т.ч. и те, на которые в качестве образца указал автор статьи, описывая опыт проведения социальной оценки воздействия проекта “Сахалин-2” (второй этап) компаний “Сахалин Энерджи”), а также многие другие рекомендации и стандарты, разработанные международными организациями. Опыт “Сахалин Энерджи”, в частности, показал, что, сколь бы ни были совершенны методики и инструменты сбора информации (и опубликованные отчеты), определяющим фактором успеха социальной оценки воздействия является реальное вовлечение в исследование заинтересованных сторон, в данном случае — затронутого проектом коренного и местного населения⁵. Поэтому следует особо обратить внимание на те рекомендации и методики, которые учитывают важность прямого общения компаний и исследователей с затрагиваемыми группами⁶, необходимость чего отмечена автором статьи. Несмотря на то, что такой подход предусмотрен российским законодательством, он далеко не всегда применяется в полной мере.

Примечания

¹ Терминология взята из федеральных законов “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” от 30.04.1999 № 82-ФЗ, “О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” от 07.05.2001 № 49-ФЗ.

² Подробнее о документах ратификации см: <https://ria.ru/eco/20111125/497865758.html>

³ О проекте см: <http://npolar.no/ipu-nenets>

⁴ Подробнее об этом см: <http://iltumen.ru/content/v-razrabotke-federalnogo-zakonoproekta-ob-etnologicheskoi-ekspertize-dolzhen-uchityvatsya-op>

⁵ К сожалению, анкеты, отмеченные автором статьи (см. Примечание 11), видимо, не пользовались популярностью, т.к. за период с 2002–2006 гг. их было заполнено всего 60 (ПСРКМНС: 80), это же можно сказать и о масштабной работе по оформлению отчетов социальной оценки воздействия проекта (см.: http://www.sakhalinenergy.ru/ru/media/library/social_impact/). Все усилия “Сахалин Энерджи” не смогли предупредить острого конфликта с населением. Это образцовое исследование на тот момент основывалось на далеко не полной информации о проблемах коренных народов, связанных с проектом “Сахалин-2” (второй этап), а также о накопленном ущербе от предыдущих работ компании. Недостаточность проведенных исследований в отношении отдельных этнолокальных групп (ПСРКМНС: 18–19, 80–85), невнимание к перечню возникших проблем традиционного природопользования рыболовов, охотников, собирателей, оленеводов Сахалина (предъявленному ими “Сахалин Энерджи”, но не получившему адекватной оценки, хотя позже и опубликованному в финальной версии материалов исследования [ПСРКМНС: 86–94]) привели к акции протеста в пустынной местности на севере Ногликского р-на в январе 2005 г. Большинство (всего их было 300) участников акции были представителями коренных народов; они пригласили на переговоры представителей компании, чтобы предъявить свои требования, но, не дождавшись их в назначенный срок, перегородили живой стеной проезд трубовозам к пункту складирования, расположенному на священном месте нивхов (ПМА). Эта акция убедила компанию, ранее действовавшую только через администрацию области, вступить в прямые переговоры и организовать совместную работу с представителями коренных народов. В результате активного сотрудничества сторон был разработан упомянутый выше “План содействия” и 25 мая 2006 г. подписано соглашение о его совместной реализации.

⁶ Агуэй-гу. Добровольные руководящие принципы проведения оценок культурных, экологических и социальных последствий предлагаемой реализации проектов в местах расположения святынь, а также на землях и в акваториях, занимаемых или используемых коренными и местными общинами (КБР. 2004. <https://www.cbd.int/doc/publications/akwe-brochure-ru.pdf>); Декларация ООН о правах коренных народов; принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 сентября 2007 г. (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml); Элементы кодекса этического поведения Тгаривейиери для обеспечения уважения культурного и интеллектуального наследия коренных и местных общин (The Tkarihwaie: ri Code of Ethical Conduct // CBD/2010; www.cbd.int/traditional/code.shtml); проект документа “Декларация ООН о правах коренных народов: справочное руководство для бизнеса”, опубликован в декабре 2012 г. для его комментирования заинтересованными сторонами по всему миру до 1 июня 2013 г. (<http://www.undp.ru/index.php?iso=RU&lid=2&cmd=news&id=1131>); “Свободное, предварительное и осознанное согласие. Право коренных народов и рекомендуемые меры работы с местными общинами. Практическое руководство для персонала проектных команд” (<http://www.fao.org/3/a-i6190r.pdf>).